

ПРОЛОГ

*Где-то на берегах Минхириата,
начало лета 1724 года по летоисчислению
Хоббитании*

Человек лежал на спине, лежал в мелкой воде, где песчаный пляж лениво лизали языки прибоя. Волны набегали на тело, толкали в плечо, словно забияки: уходи отсюда, уходи, ты не наш, тебе место на суше!

Грудь лежавшего медленно вздымалась и опускалась, тело — сухое и жилистое — облепляли мокрые холщовые рубаха и порты. Ноги босы, пояса нет. Лицо — бледное, со впалыми щеками и твердым, решительным подбородком — от уха до уха заросло седой бородой, хотя человек отнюдь не выглядел стариком.

Он лежал в прибое и дышал — хрипло, с присвистом. Глаза оставались закрыты.

Откуда он тут взялся — выплыл сам? Но места вокруг пустынные, доставшийся племени ховраров Минхириат — да и более южный Энедвэйт — до сих пор заселены скудно и редко. Скорее всего, свалился за борт с проходящего корабля — они-то здесь плавают довольно часто, направляясь из Серых Гаваней к устью Андуйна и дальше на юг, в ближний Харад.

Свалился за борт и каким-то чудом добрался до берега, да, не иначе. Не сам же Оссе его сюда вынес!

Наконец лежавший зашевелился. Медленно перевернулся, оперся на локти, откашлялся трудно и сипло. Кое-как поднялся, пошатываясь, повернулся к морю.

Гладь спокойна, плывут вдалеке облачка. В Минхириате начало лета, благодатное время. Далеко еще до сезона бурь, а весенние грозы только недавно оттремели. Чиста водная гладь, чиста небесная лазурь, лишь мелькают над волнами чайки, да у самого берега плещется какая-то рыба мелочь.

Человек глядел на море, по-прежнему тяжело дыша. В глазах застыло недоумение, словно он не мог понять, каким образом тут очутился и кто такой он сам.

Внезапно ясный горизонт искривился — море тяжело вздохнуло и взбурилось гигантской прозрачно-зеленой волной. Человек, оцепенев, смотрел, как от берега отхлынула вода, как навстречу ему не торопясь катится пронизанная солнцем толща, увенчанная плюмажем белой пены, словно воин в полном облачении. Ветер начал стремительно крепчать, серые грозовые облака возникали в зените словно из ниоткуда.

Человек попятился, затем, спотыкаясь, побежал и остановился, только вскарабкавшись на невысокий, поросший травой прибрежный откос.

Оглянулся — но море, упустив его, словно потеряло к нему всякий интерес. Водяная стена, надвигавшаяся на землю, расточилась так же внезапно, как и возникла, и набежала на берег обычной шипучей волной. Ураганный ветер утих, сменившись легким бризом, и солнце как ни в чем не бывало пускало по воде ослепительные блики.

Человек наморщил лоб, потряс головой, словно силясь понять, не привиделось ли ему это все, — и, наконец, раздраженно махнув рукой, побрел прочь от моря, туда, где вилась едва заметная тропка.

*Цитадель Олмера, июнь 1732 года,
восемь лет спустя*

Тьма катилась с востока, с востока, с востока. Вечер вступал в свои права, по всей Цитадели вспыхивали огни. За десять лет, что минули со времен падения Олмера Великого, тут многое изменилось. Пролегли дороги, встали городки, разбежались от них мелкие деревеньки. Лихой народ по-прежнему обретался в этих краях, но набегии сделались редкостью. Не на кого тут стало особенно нападать: истерлинги, как и множество иных племен поменьше, ушли на запад да так и осели там, на новых землях, захватив немалую добычу.

Горбун Санделло, правая рука Олмера Великого, сидел у огня в молчании. Из дикого камня сложено подобие очага — на свежем воздухе, как он привык, подле его одинокого и пустого дома. Черные одежды, скрип кожаных ремней, привычная тяжесть доспеха. На коленях — слегка изогнутый вороненый меч-симитар с расширенным концом, вдоль обуха тянется ряд колец, продетых в отверстия, что пробиты прямо в стали.

Рука, сухая и морщинистая, стискивала нечто, висящее на шее горбуна на прочной стальной цепочке. Глаза Санделло были закрыты плотно-плотно, вокруг них собрались многочисленные морщины. Казалось, он вообще не дышит.

Пальцы, обхватившие загадочное нечто, слегка подрагивали.

Наконец горбун с шипением выдохнул, с явным усилием разжал пальцы. Осторожно снял цепочку — на ладонь ему легло кольцо тусклого желтого металла.

— Ты не обманываешь? — скрипучим шепотом проговорил он, глядя на кольцо так, словно ожидал ответа.

Желтый ободок лежал на его руке, недвижный, мертвый.

Горбун ниже нагнул голову, тяжело задышал.

— Будь ты проклят, если обманул, — прошипел он. — *Globalub lat, urkat!*

Кольцо, конечно же, ничего не ответило.

Однако сам Санделло, поднявшись, решительно повесил цепочку обратно на шею и зашагал к коновязи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Хорнбург, Роханская марка, 12 июня 1732 года

Что может быть лучше дороги домой? Предвкушения отдыха и долгожданного веселья? Что может быть прекраснее снежных громад Мглистого хребта, поднимающихся по левую руку, и закованных во льды пиков Белых гор — по правую?

Ты выдержал, ты выжил, и не просто выжил — ты победил!

Привольные степи, что остались позади, щедро политы кровью. Там кипели жестокие схватки: дунландцы и хазги не сдавались и не бежали и принуждали держаться ховваров, которые в иное время были б не прочь встать под твердую руку молодого короля Эодрейда.

Но теперь все позади, и войско вставало на отдых в Хелмском ущелье. Всего два года минуло, как Рохан вернулся сюда: молодой король Эодрейд отчаянным натиском взял главный оплот закрепившихся в Вестфолде ховваров.

Штурм тогда был тяжелым, страшным, кровавым; ховвары знали, что пощады не будет, и отбивались отчаянно. Обещаниям Эодрейда, что из крепости выпустят всех сложивших оружие, не поверили. И если бы не помощь гномов, что вновь, во исполнение давней клятвы, прошли тайными

подземными тропами и ударили в спину защитникам крепости, — Хорнбург бы устоял.

После победы Эодрейд опустошил казну, остатками золота купив искусство Подгорного Племени; гномы твердо держались данных клятв, но задаром свои умения не отдавали. Для них это было оскорблением, и по всему Рохану собирали тогда уцелевшее золото и серебро, зарытое еще перед вторжением Олмера. Все пошло в ход: девичьи сережки и вдовьи кольца, случайно уцелевшие фибулы от плащей, нарядное оружие...

Гномы приняли плату. Их лица были мрачны, но непреклонны. Они взяли золото, но сделали вдвое больше того, на что подражались, за пару лет превратив цитадель Хелма в неприступную твердыню.

Отсюда начался роханский натиск на запад. Обратно, на земли, утраченные в Великой Войне, когда и самого Рохана-то не стало.

Возвращаем свое, говорил король, и за ним повторяли все, от маршалов до последних обозников. И за ним шли.

Два года назад войско Эодрейда дошло до Исены, кровью прочертив там закатный рубеж возрожденной марки, а теперь граница отодвинулась еще дальше в степи, на три дня доброй скачки, как записано было в грамотах «вечного мира» с хазгами, ховрарами и дунландцами.

Войско вернулось с победой. Так выкликают глашатаи, так провозглашают королевские указы. И потому сегодня праздник. Полки вернулись!..

Встречать войско вышел, почитай, весь Вестфолд, все, кто остался за чертой Сбора. Женщины, старики да ребятишки — мужчин забрала война, а мальчишки-подростки несли охранную службу на границах.

Несмотря на военное лихолетье, встречу воинам подготовили пышную — на зеленом ковре долины ждали накрытые столы. Старики качали головами — мол, не те яства, что раньше, совсем не те; угнаны стада, вырублены сады, люди едва-едва перестали голодать.

Исенская Дуга унесла цвет роханского воинства. Ховрары разграбили Эдорас, страна лежала в развалинах. Даже Гондору та война обошлась дешевле, чем полностью попавшему под власть чужеземцев Рохану.

Но сегодня армия возвращалась с успехом, роханские полки один за другим входили в крепость, и воины со смутным сердцем глядели на выставленное угощение — они-то знали, чего стоило его собрать.

— Где Холбутла? Скажи мне, скажи, когда он будет! — теребила старшую сестру совсем юная девушка-подросток лет четырнадцати, с длинной золотистой косой. — Скажи, ну скажи, а?!

— Да зачем тебе? — поджала губы та. — Придумаешь тоже! Он на тебя и смотреть-то не станет! Даром ты по нему сохнешь, глупая!

Вокруг засмеялись.

— Сохнешь? Вот так прямо и сохнешь? — раздалось с разных сторон.

— От глупой слышу! Знаю, Фалда своего ждешь не дождешься! Что, самой не терпится?.. — тотчас огрызнулась младшая. — А мне уже про мастера Холбутлу и спросить нельзя!

Смех усиливался.

— Ишь какая бойкая! Самого маленького выбирает! Чтоб, значит, удобнее было... — послышалось двусмысленное хихиканье. — А не рано ли тебе, красотка? Подросла бы сначала, а?

— Маленького выбирает, да удаленького! — ухмыльнувшись, прошамкал беззубый дед. Спина у него изрядно согнулась, а вот многочисленные шрамы на лице заработаны были явно не в молодости — как и почти все мужчины Рохана, он стоял в свое время на Исенской Дуге. — Он у короля Эодрейда мало не лучший!

— Вот и я говорю, — подхватила какая-то женщина, — Эовин у нас все о героях мечтает!

Кругом стоял хохот, но смутить девушку оказалось не так-то просто.

— О ком хочу, о том и мечтаю, и разрешенья спрашивать не стану! — сердито выпалила она, откидывая назад тяжелую косу. — А мастер Холбутла и вправду герой, то все знают! Он и на Исенской Дуге отличился, и в Эдорас первым ворвался!

— Ворвался, ворвался, — кивнул согбенный старик. — Непомерной храбрости, что и говорить! Откуда только берется?.. Глянешь — вроде одним взмахом зашибить можно! Ан не тут-то и было...

— А еще говорят, у сородичей его, которых гондорцы «половинчиками» зовут, свое волшебство имеется, — затараторила женщина. — Говорят, исчезать они могут, а еще и такое заклятье знают, что стрелы у них всегда в цель летят!

— Будет языком-то молоть! — неодобрительно покачал головой дед. — Тоже выдумала — волшебство! Разговоры такие пошли, потому как лучше мастера Холбутлы и впрямь никто стрелу не бросит, так то не чудо, а умение!.. Э... э, погодите, балаболки! Эовин! Ты спрашивала — вот он, твой Холбутла!

В широко распахнутые ворота Хорнбурга бравым шагом входил полк пеших лучников. Люди зашептались — глашатаи кричали о победе, но, видать, далась она дорогой ценой, стрелков осталось лишь около четырех

сотен из начальных семи. Шли они тем не менее бодро, а впереди всех нешироко, но быстро шагал низкорослый командир. Несмотря на жару, он не расстался ни со шлемом, ни с доспехами — словно бы и сейчас готов был к бою. На широком поясе воина висел недлинный меч, по обычным людским меркам — кинжал, лишь более широкий и толстый. За спиной — колчан и странный, белого цвета лук. Оружие это уже успело прославиться от Пригорья до Исены, от Эдораса до Мордора — знаменитый лук мастера Холбутлы, из которого он, по слухам, попадал в брошенную высоко вверх монету или пробивал глаз летящей вдалеке птице.

За командиром двигались шеренги воинов — по шести в ряд. Полк снискал большую славу: 16 мая, в первом большом бою с ополчением хеггов, обитателей энедвэйтских побережий, его стрелки мигом расстроили и обратили в бегство едва выстроившуюся вражью пехоту; а на следующий день не дали защитникам Тарбада даже появиться меж зубцов высоких стен, и армия Рохана с налету взяла крепость, важнейший южный оплот угнездившихся в Арноре истерлингов. Воздух наполнила колючая свистящая туча, и всякий, кто смел высунуться из бойницы, тут же оказывался утыкан светлыми деревянными древками. Казалось невозможным, что смертные, не эльфы, могут стрелять так быстро и метко, но мастер Холбутла не даром ел свой хлеб и гонял новобранцев до седьмого пота.

Несколько дней спустя, в тяжелой Тарбадской битве, когда с севера подошли истерлингские подкрепления вкуче с хазгами и ополчениями Минхириата, когда удача отвернулась от Эодрейда, полк мастера Холбутлы уперся насмерть, перекрыв дорогу уже набравшей разбег вражьей коннице, и продержался до тех пор, пока не подоспел хирд Дори Славного. Полк стоял по колено в крови, а перед его строем громоздился скользкий вал из конских и человеческих тел, утыканный длинными серооперенными стрелами. В Рохане умели помнить доблесть — так же, как и трусость.

Полк мастера Холбутлы миновал ворота крепости.

Да, гномы взяли высокую цену, но потрудились они не зря. Старая стена, перегораживавшая устье ущелья, прибавила в высоте самое меньшее три сажени. Появились крытые парапеты, боевые балконы с навесными бойницами, выдающиеся вперед острые каменные клинья, назначенные рассекать толпу атакующих.

Обновились, поднялись и стены замка. Долинный ручей, тот самый, куда урукхай Сарумана когда-то забросили колдовской огонь, разнесший половину укреплений, гномы отвели в каменную трубу, чтобы при осаде защит-

ники всегда имели бы вдоволь свежей воды, и чтобы никакие дыры, даже забранные решетками, не вели бы по другую сторону стен.

А сейчас там, на зеленой траве Хелмского ущелья, толпились те, кто пришел встретить ратников. Все вопили разом — кто-то надеялся увидеть в строю родное лицо, выкликая по имени мужа, брата или сына, кто-то просто орал «Наши!» или «Победа!»; визжали и голосили дети.

— Мастер Холбутла-а! — подпрыгивая, закричала девчонка со звонким именем Эовин — названная в честь знаменитой Эовин конечно же, девы-воительницы, сокрушившей вдвоем с далским предком мастера Холбутлы самого Короля-Призрака на Пелленорских полях.

Низенький командир лучников услышал серебряный голосок девушки, повернулся, улыбаясь. Когда-то был он, верно, румян, круглощек, русоволос; однако теперь со щек исчез румянец, уступив место коричневатому загару дальних походов, лицо обветрилось. Легли на лоб и левую скулу короткие белые росчерки шрамов, по счастью, неглубоких. Собрались морщинки в уголках глаз, пробивалась в курчавых волосах первая седина, пока еще редкая и робкая. Взгляд сделался жестким, пронзающим, а порой и неприятным, из него ушла изрядная доля свойственной невысокликам беззаботной веселости.

— Привет, привет, спасибо за встречу! — крикнул он в ответ, помахав вдобавок рукой.

— Слышала?! Нет, ты слышала?! Он ответил! Мне ответил! А ты чего несла, мол, даже не посмотрит! — Эовин показала язык надувшейся старшей сестре. — Спорим, я с ним еще и спляшу — сегодня, после пира!

— Совсем головой повредилась девка, — вздохнула та самая женщина, что утверждала, будто сородичи Холбутлы владеют магией. Однако Эовин ее не услышала — ловко, точно ящерка, скользнула прочь сквозь толпу.

За полком лучников маршировала тяжелая панцирная пехота. Ее с большим трудом возродили в Рохане совсем недавно: Вестфолд, чья фаланга каменной плотинной запирала путь бурному половодью ангарцев и истерлингов на Исенской Дуге, лишился в том кошмаре всех до единого бойцов. После того воинов, способных встречать любую атаку несокрушимой стеною щитов, пришлось собирать, что называется, с бору по сосенке.

Пеший полк был почти втрое многочисленнее стрелков; во главе его лихо вышагивали двое невысоких, но очень широкоплечих воинов, которым в иную дверь боком протискиваться придется. Ростом эта пара едва достигала до плеча роханцам, зато руки толщиной и силой могли соперничать с медвежьими лапами.

— Гляди, гляди — гномы! — зашумели в толпе.

— Что, те самые? Рыцари Торин и Строри?

— Разуй глаза, кибитка! Кто ж еще? Кто у короля полками панцирников командует? Эге-гей! Гномам преславным — привет!

Один из командиров-гномов на ходу повернулся к крикнувшему.

— И тебе привет тоже! — гаркнул он так, что уши заложило. — Ну как, все тут у вас готово? Пива наварили?

— Наварили, наварили! — отозвался целый хор голосов. — Будет чем жажду утолить!

— Вот и славно! — заметно оживился второй гном, чуть пониже ростом. — У меня горло совсем пересохло! Если на мою долю меньше полновесной бочки достанется — обижусь смертельно!

И воины, и встречавший люд захохотали.

— Да там и пять бочек на брата будет, и шесть даже! — выкрикнул кто-то.

— О! — Маленький Гном вскинул руку. Латную рукавицу он так и не снял. — А я-то боялся: ну как не хватит?

Последним, по недавней роханской традиции, в крепость въехал король Эодрейд. Победоносного правителя, вернувшего почти все некогда подвластные Эдорасу земли, встретили дружными криками восторга — король искренне любил, несмотря на суровый нрав.

Миновав ворота, Эодрейд натянул поводья и привстал в стремях.

Доспехи короля покрыты пылью, но конь великолепной белой масти чист, словно горные снега. Развевается за плечами зеленый плащ, трепещет гордо вскинутый прапорец с распластавшимся в вечном беге серебристым жеребцом на изумруде сукна.

Молодой взгляд жесток и непреклонен. Уперт в бок крепко сжатый кулак. Король смотрит на уже втянувшееся в Хельмову Падь войско, на собравшийся народ. Глаза сощурены.

И люди притихают под этим взглядом, смолкают приветственные крики, дети уже не носятся с визгом по траве.

— Спасибо вам, люди! — возвысил голос король. Тишина опустилась, сойдя с высоких хребтов. — Спасибо, что ждали! Спасибо, что встретили!

Голос его достигал сейчас самых дальних уголков ущелья, и короля слушали все.

— Мы победили! — прогремел он. — Никто не смог устоять пред доблестью и мужеством рохиррим! Враги позорно бежали! Правый берег Исны наш, мы владем всеми землями до Адорна и дальше, до самого Речного Излома! Скоро, совсем скоро мы вернем все, чем владели наши предки,

начиная с великого Тенгела Трижды Прославленного! Мы победили, радуясь, Рохан победоносный!..

Эодрейд вскинул сжатый кулак, и толпа вновь взорвалась восторженными кликами.

— Мы победили! — привстав в стременах, вновь выкрикнул король. — И теперь давайте же радоваться! Пусть сегодня здесь будет настоящий праздник!

Праздник. Рекой польется пиво, вспыхнут костры. Заиграют немудреные инструменты, народ пустится в пляс.

А где-то рядом, в тени темных склонов, будут тихо рыдать те, кто не дождался. Они станут плакать негромко, прячась от других, ибо недостойно дочерям Рохана лить напоказ слезы по тем, кто пал за родину.

Ибо сегодня праздник.

...Торжество удалось на славу. У костров плясали все — простые конники и начальники полков, конюшенные мальчишки и сам король. Маршалы марки опрокидывали кружки пенного эля вместе со своими бойцами; юные сын и дочь Эодрейда тоже были здесь, среди рохиррим. Правитель Рохана, хлебнувший лиха в страшную осень 23-го, не чурался незнатного люда — и, кстати говоря, никогда не употреблял слов «чернь» или «простонародье»...

...Летнее небо щедро вызвездилось над Хелмским ущельем, небесный свод ласково глядел вниз, на смертные земли; в этот час король Эодрейд собрал ближний круг своих военачальников в высокой башне Хорнбурга, в том самом покое, где некогда стоял, взирая на кипящее внизу сражение, сам великий король Теоден.

Стол накрыли всего на десятерых — только король и его маршалы, начальники отдельных полков. Их осталось немного — нынешняя армия Рохана не в пример меньше той, что насмерть стояла на Андуине и Исене.

И, помимо высокородных рохиррим, к королевскому столу собирались сейчас и трое наших друзей.

— Эй, Малыш, сколько можно копать?! — Торин уже стоял у двери, нетерпеливо притопывая. — Опаздываем, словно стряпуха Гонория к королю Бейнору! Невместно нам позже всех являться! Девчонка ты, что ли, перед зеркалом вертеться? Лучший наряд воина — его доспех, а не шелка с бархатами!

— Позже всех являться невместно, но и с капустой в браде к королю вваливаться — невместно такожде! — Маленький Гном невозмутимо расчесывал главное украшение любого истинного гнома — бороду. У Малыша она была рыжей, что означало благоволение Великого Дьюрина, ибо таков же цвет огня подземных топок, но притом вечно взлохмаченной и клочковатой, что, напротив, служило недобрым знаком, суля беспорядок в работе.

Бедолага Строри поэтому тратил уйму времени, пытаясь посредством гребня привести браду в надлежащий, по его мнению, вид.

— Оставь его, Торин, — хоббит пытался заколоть нарядный плащ хитрого вида фибулой с замысловато свернувшимся на ней бронзовым зверем. Король Эодрейд был щедр и своих одаривал, не скупясь, особенно одежниками: пусть Эдорас и Медьюселд, Золотой Зал королей Рохана, будут вновь ярки и праздничны!..

От подарков правителя не откажешься, приходилось носить. Эодрейд не терпел оправданий убогости «военным лихолетьем».

— Мы успеем, — продолжал Фолко, одолев, наконец, в упорном поединке фибулу. — Впрочем, кто из маршалов нами недоволен, тот так недовольным и останется, явись мы хоть первыми, хоть последними.

Торин только фыркнул в бороду.

Время, когда друзья робко заглядывали в обиталища сильных мира сего, сгнуло безвозвратно. Они сами сделались сильными; теперь не они искали службы, но служба искала их.

В том числе и служба недавним врагам.

В 1726 году орочья орда, невесть как забредшая так далеко на закат — скорее всего, остатки гундабадских кланов, — ворвалась в Хоббитанию с юго-востока, откуда орков ну никак нельзя было ожидать. На беду находников, самому Фолко и его спутникам-гномам именно тогда случилось оказаться в Забрении; быстро собравшееся ополчение невысокликов испытанным уже способом повисло на плечах быстро продвигавшихся орков, заманивая их в засады, осыпая стрелами чуть ли не из-за каждого пня.

А когда орда развернулась, не выдержав отпора, в спину им вдобавок ударил отряд самых отчаянных сородичей Фолко во главе с ним самим и гномами.

Разгром был полный.

Вскоре после этого к восточной границе Хоббитании, к месту, назначенному для переговоров с хоббитами еще королем Элессаром, явился

посланник от правителя истерлингов, захвативших Арнор и устроивших там собственное королевство.

Правитель этот, Терлинг, как звали его арнорцы, оказался умен и дальновиден. Он негодовал, что оказались нарушены мудрые указы Великого Короля, от которого, как уверял, не моргнув глазом, истерлинг, идет и его собственный род.

Новый хозяин Аннуминаса заявил, что вновь и вновь подтверждает эти указы. Арнорские писцы, пошедшие на службу к новым хозяевам, развернули перед хоббитами внушительного вида свитки, украшенные многоцветными печатями: неприкосновенность земли народа половинчиков объявлялась полной и всеобщей.

Гномам же и Фолко посланник Терлинга предложил службу. Предложил именем короля — так, словно это было самым обычным делом.

— Моему королю служат многие и из разных земель, — ровно говорил он, пристально глядя на неразлучную троицу. — И далеко не одни лишь истерлинги. Арнор будет домом для всех, кто станет верно служить его короне, в каком бы племени он ни был рожден. Хватает полков, где вас встретят с почетом. Кто с кем успел скрестить мечи — неважно. Было и прошло. Зато теперь вы сможете добыть себе еще большей славы, мы же, в свою очередь, не пожалеем золота!..

...Им стоило немалых трудов отказаться так, чтобы не вызвать гнев хитрого и подозрительного истерлинга.

И потом история повторялась.

Правитель беорнингов предлагал лучшие лены в своих владениях, если Фолко и гномы согласятся стать военачальниками в лесном королевстве.

Этчелион, герцог захваченного восточными племенами и харадримами Итилиэна, едва не посадил всю троицу под замок, узнав, что они намереваются оставить его отряд.

Друзья привыкли. Не сосчитать, сколько раз они вступали в армии Рохана, Гондора или Беорнингов, но после победы всякий раз уходили. Почести почестями, но оседать, обзаводиться «домом» — нет, это не для них. Эодрейд понял их первым и не навязывал друзьям свою волю. Наверное, потому Фолко, Торин и Малыш чаще всего оказывались именно в рядах роханского войска; а может, оттого, что владыка Эдораса настойчивее других сражался за то, чтобы мир, до неузнаваемости преображенный Олмеровым нашествием, хоть немного бы стал походить на прежний.

Нынешнее войско Рохана не составляло и трети того, что насмерть стояло на Андуине с Исеной. Собрали кровавую дань и тяжкий зимний переход через Мглистый, и последующие годы войны — уже восемь лет прошло с тех пор, как, перезимовав в долине Андуина, армия Эодрейда ворвалась в Рохан, довольно быстро отбив Эдорас и освободив осажденные ховрарами горные убежища.

Однако мир так и не настал. С самого восстановления Роханской марки, провозглашенного 28 апреля 1724 года по летоисчислению Хоббитании, война на границах не утихла ни на один день. Пожар ее то разгорался, то вновь приугасал — но так и не потух.

Бывшего «хоббита не от мира сего», книжного червя, изобретавшего тысячу и один способ отвертеться от прополки, румяного и круглощекого, сейчас едва бы узнала собственная семья. Ему исполнялось тридцать восемь — для народа половинчиков лишь самое начало зрелости.

Тридцать восемь, всего ничего, старый Бильбо Бэггинс только посмеялся бы, на юнца глядячи: мальчишка, мол, какие тебе еще там приключения!.. — но сейчас никто из сородичей не дал бы Фолко меньше пятидесяти.

Война берет свое, даже если тебя невредимым выводят из битв и стычек мифрильские доспехи и собственное боевое умение. Да, ты привык спать, укрываясь в лучшем случае собственным плащом или вовсе одним небом; привык, не мигая, брать прицел и не задумываться, заслуживает или нет смерти тот, в кого миг спустя вонзится твоя стрела. Ты привык отдавать приказы, отправлять людей в бой, зачастую — на смерть, и хладнокровно выслушивать донесения о потерях.

Он стал поистине «мастером Холбутлой». Фолко, сын Хэмфаста, хоббит из почтеннейшей и уважаемой всеми семьи, казалось, уснул надолго, если не навсегда.

Неизменными оставались для него другие вещи: мифрильские доспехи, например, или гундабадский трофей Короля-без-Королевства, клинок Отрины, чье лезвие навек украшено невянущими голубыми цветами.

Фолко не расставался с оружием ни днем ни ночью; за десять лет истерлись и износились кожаные ремешки, их заменили выкованные Малышом тонкие, но очень прочные цепочки.

Гномы, несмотря на все передраги и перипетии, изменились мало, человеческий глаз и вовсе не заметил бы разницы. Подгорное Племя отличается долголетием, два с половиной века для них — тот возраст, когда еще выходят на бранное поле, стоят в хирде и крепко держат топор.

А Фолко сильно изменился уже тогда, когда судьба вывела его на стены Серых Гаваней. Десять последующих лет набирался опыта, поднимаясь все выше в тех армиях, куда посылала его судьба. Он не стал наемником, солдатом удачи — нет, он воевал за то, чтобы Запад вновь стал прежним. В Рохане это почти удалось сделать, и Гондор уже восемь лет как вернул себе Минас-Тирит; дело теперь за Арнором, и Фолко верил, что придет день, когда над башнями Аннумиаса вновь взвьется бело-синее знамя — знамя, под которым он впервые пошел в бой.

Хоббит понимал, что сгоревший в пламени Олмерова вторжения мир изменился необратимо — исчезли Гавани, пал Кэрдан Корабел, — но не воевать за то, чтобы вернуть к жизни хотя бы призрак кажущегося сейчас таким прекрасным прошлого, он не мог.

...На поздний ужин к Эодрейду они явились вовремя, при полном параде, при мечях и топорах, в лучших одеждах — только без доспехов. Мифриловые кольчуги и все прочее Малыш самолично запер пятью замками, не доверяя никому. А открыть замки, сработанные Маленьким Гномом, можно было, лишь разнеся в щепки саму дверь.

Маршалы марки собрались в празднично разубранном покое и сами тоже облачились в лучшее. Золотое и серебряное шитье вилоь по зеленому сукну плащей; у поясов красовались парадные ножны, изукрашенные самоцветами и филигранью, — такие в сражение не берут. Хоббит и гномы успели не первыми и не последними, а как и хотели, в серединке.

Хама, самый молодой из маршалов марки, кивнул им, широко улыбаясь и скидывая руку для приветствия. Те, кто постарше, ограничились суховатыми формальными словами. Хоббит мысленно закатил глаза — старые предрасудки умирали тяжело и неохотно, несмотря на все битвы, где они с Торином и Малышом сражались бок о бок с этими же самыми маршалами.

Мажордом вышел на середину покоя, молча и низко поклонился, стукнул резным посохом в пол — знак благородным гостям садиться. Порядок был уже затвержен.

Во главе длинного стола, крытого белой льняной скатертью (короли Рохана позаимствовали этот обычай в утонченном Гондоре), стояло королевское кресло, настоящий трон, с искусно вырезанным гербом на высокой спинке: белый конь, распластавшийся в стремительной скачке, на смарагдовом поле.

Сам же стол, увы, подкачал — к немалому огорчению Малыша, на нем сиротливо ютились лишь несколько блюд с легкой закуской. Пива не было

совсем, вместо него стояли темные бутылки старого гондорского, явно еще довоенной закладки. Довоенной — значит, до вторжения Олмера, которое и считалось настоящей войной, в отличие от бесчисленных походов и сражений, что последовали за гибелью Короля-без-Королевства. Время оказалось разрезанным надвое — до войны и после. Нечего и говорить, что теперь времена «до войны» почитались истинным Золотым Веком.

Маршалы рассаживались — без спешки, соблюдая достоинство. Их оставалось теперь только шестеро.

Шестеро, подумал Фолко, глядя на пустующие вычурные кресла, похожие на королевские, только поуже и пониже, и тоже с гербами — кресла нобилей, павших в Великой Войне, предводителей роханских эоредов, конных отрядов. Из всех, кому случалось пировать в высоких залах Эдораса до битвы на Андунине и до Исенской Дуги, остался только один — старый Эркенбранд Вестфольдинг, прямой потомок того самого Эркенбранда, что сражался с ратями Сарумана в дни Войны за Кольцо.

Место напротив седого воителя пустовало, а дальше следовало сидеть Брего, Третьему маршалу марки и командиру всех конных сотен. По давней традиции, титул Первого маршала носил сам король; Вторым маршалом становился его старший сын, но дети Эодрейда были еще малы, и правитель Рохана в знак уважения к старику Эркенбранду, последнему из отцовских сподвижников, оставил прозвание Второго маршала за ним, равно как и привилегию «восседать одесную короля и ближе всех остальных».

Третьего маршала видно не было.

Еще дальше — по старшинству — полагалось сидеть остальным. Фрека, Четвертый маршал, Сеорл, Пятый. Молодой Хама, Шестой. Теомунд, Седьмой.

И дальше всех от владыки Эдораса, ниже остальных его маршалов, скромно устроились наши друзья: хоббит Фолко, сын Хэмфаста, более известный в Рохане как мастер Холбутла; гномы Торин, сын Дарта, и Строри, сын Балина, по прозвищу Маленький Гном.

За столом поместилось бы четырнадцать человек, по шесть справа и слева, и еще двое — в торцах. Король сидел в головах, напротив него — место старшего сына; остальные расселись по сторонам. Маршалов марки осталось шестеро, и четыре кресла пустовали.

Никто не прикасался к расставленным блюдам; Маленький Гном скорбно закатывал глаза, ерзал, покряхтывал, но протянуть руку не решался.

Маршалы молчали, и Фолко не мог понять, что случилось, — ведь еще совсем недавно они радовались вместе с остальным войском, с простыми

роханцами, собравшимися в горной твердыне. Из-за их присутствия на торжестве? Да нет, этого не может быть — в походе они отлично ладили и с Фрекой, и с Сеорлом, не говоря уж о молодом Хаме.

Король Эодрейд, однако, не заставил себя долго ждать. Мажордом вновь звучно ударил посохом в пол, на сей раз трижды, и маршалы дружно поднялись — двери распахнулись, в покой стремительным шагом входил правитель Рохана.

Встали, само собой, и хоббит с гномами.

Владыка Эодрейд выглядел внушительно. Ему едва минуло сорок лет, и он был в расцвете сил; золотые, как и положено роханскому правителю, волосы ниспадали до плеч, глубокие серые глаза смотрели жестко и пронзительно. Длинные усы опускались до подбородка — мода, перенятая у восточных племен, хотя в этом никто не хотел признаваться. Шрамы — лучшее украшение мужчины — пересекали лоб и левую щеку. Обычно король одевался подчеркнуто скромно, однако на праздниках роскоши его одежда могли бы позавидовать, наверное, сами короли Нуменора. И мало кто знал, что все эти украшения — золотое шитье, алмазы, сапфиры, изумруды, бархат и парча — взяты взаймы у гномов, и королеве приходится ночами гнуть спину, вышивая плащи для торжественных выходов подземных правителей... Порой, не кичась короной, ей брался помогать Эодрейд, но об этом знало лишь несколько человек во всем королевстве, и невысоклик Фолко, сын Хэмфаста, был среди них.

— Садитесь, досточтимые, — махнул рукой правитель. — Не надо кланяться, поменьше церемоний, сегодня как-никак праздник. Садись, почтенный Эркенбранд, садитесь, маршалы, и вы, мастер Холбутла, мастер Торин и мастер Строри. Рад видеть вас всех сегодня тут. Садитесь, угощайтесь. Яства скромны, но не требовать же большего с разоренного Вестфолда. Садитесь, я собрал вас не есть, а говорить.

Слуг нет, подумал хоббит, глядя, как маршалы, переглянувшись, сами, без виночерпиев, наполняют кубки. Эодрейд отослал всех, кроме старого мажордома, который, всем известно, весьма тут на ухо.

Король поднял кубок.

— За нашу победу. Слава рохиррим, слава нашей доблести!

— Слава! — хором откликнулись гости.

Правитель Рохана пригубил вино, остальные, напротив, отпили на совесть. Старое гондорское теперь не вдруг увидишь, даже на королевском пиру.

С лихим стуком опустились обратно на стол серебряные кубки; серебряные, не золотые, золото еще не нажито.

Циклы Ника Перумова Вселенная Упорядоченного

Кольцо Тьмы

*Эльфийский клинок
Черное копьё
Адамант Хенны
Небо Валинора. Адамант Хенны*

Летописи Хьёрварда

*Гибель Богов
Воин великой тьмы
Земля без радости
Тысяча лет Хрофта*

Гибель Богов-2

*Память пламени
Удерживая небо
Пепел Асгарда
Асгард возрожденный
Хедин, враг мой
Прошедшая вечность
Орел и Дракон
Душа Бога. Том 1
Душа Бога. Том 2
(именно эта книга и
завершает основную историю
Упорядоченного)*

Летописи Разлома

*Алмазный Меч, Деревянный Меч
Рождение мага
Странствия мага
Одиночество мага
Война мага
Когда мир изменился
Восстание безумных богов.
Северная Ведьма
Эльфийская стража
Дочь некрманта
Вернуть посох*

Сказки Упорядоченного

*Охотники
Война ангелов*

Отдельные циклы и романы

Техномагия

Семь Зверей Райлега

*Тёрн
Алиедора
Имя Зверя*

Приключения Молли Блэкуотер

*За краем мира
Сталь, пар и магия
Остров крови*

Империя превыше всего

*Череп на рукаве
Череп в небесах*

Я, Всеслав

Конан и Карусель Богов

Александровские кадеты

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог..... 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I 8

Глава II 28

Глава III..... 61

Глава IV..... 124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I 155

Глава II..... 210

Глава III..... 267

Глава IV..... 313

Эпилог..... 394

Литературно-художественное издание

НИК ПЕРУМОВ

АДАМАНТ ХЕННЫ

Ответственный редактор *В. Атамашкин*

Выпускающий редактор *Г. Логвинова*

Технический редактор *Т. Ткачук*

Художник *С. Захаров*

Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150

Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 07.2023. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».

Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2